

Общая характеристика развития некоторых отраслей права в «белой» России (1918–1920 гг.)

General characteristics of the development of certain branches of law in «white» Russia (1918-1920)

Зайнутдинов Д.Р.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний
e-mail: knight_1988@mail.ru

Zaynutdinov D.R.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Theory of State and Law and Public Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Head of Legal Department, Institute of Social Sciences and Humanities
e-mail: knight_1988@mail.ru

Аннотация

В работе проведен общий анализ развития четырех отраслей права (земельное, трудовое, торговое, уголовное) в «белой» России в период Гражданской войны. Также автор отразил тенденцию формирования законодательной базы данных отраслей права. В заключение подведен итог развития системы права «белой» России.

Ключевые слова: «белая» Россия, Гражданская война, земельное право, трудовое право, торговое право, уголовное право, система права.

Abstract

The paper provides a General analysis of the development of four branches of law (land, labor, trade, criminal) in the «white» Russia during the Civil war. The author also reflected the trend of forming a legislative database of branches of law. In conclusion, the development of the legal system of «white» Russia is summed up.

Keywords: white Russia, Civil War, land law, labour law, commercial law, criminal law, legal system.

Введение

На территории антибольшевистских государственных образований в период Гражданской войны происходило становление собственных правовых моделей, а вместе с ними трансформации подвергались отдельные отрасли права и институты. Общий вектор развития антибольшевистской системы права был определен наиболее значимыми проблемами того периода. При этом, исходя из достаточно длительного существования «белых» режимов, особое внимание к себе приковывает формирование именно «белой» системы права в период 1918–1920 гг. В частности, наибольшую динамику развития в системе права получили такие отрасли права как: земельное, трудовое, торговое, уголовное.

Земельное право

Земельный вопрос стоял в повестке правового решения Российской империи многие десятилетия. Наступивший революционный период 1917 г. и последующая Гражданская война сделали эту проблему первоочередной. Наибольший интерес в выборе вариантов решения земельного вопроса, а соответственно развития земельного законодательства и земельного права, вызывает «белый» Юг и «белый» Восток. Так, на территории «белой» России имело место три крупных этапа становления земельного права и законодательства, которые условно можно обозначить временными рамками: корниловско-деникинский период (начало-конец 1918 г.); колчаковско-деникинский период (начало-конец 1919 г.); врангелевский период (апрель-ноябрь 1920 г.).

Первый период становления земельного права непосредственно связан с декларативно-учредительными и программными документами зарождающейся «белой» государственности, определявшими политико-правовой курс. Говоря об изначальной позиции «белой» государственности в отношении земельного вопроса, надо учесть, что первым значимым юридическим документом, имеющим свойства конституционного акта, выступила «Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова» («Конституция Корнилова») [1, с. 181-182]. Одиннадцатым пунктом Программа провозглашала: «Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми». Данное положение отчетливо выражает позицию «белой» власти на первоначальном этапе ее становления, которая признает легальным лишь один способ решения земельного вопроса – волей высшего представительного органа Российского государства – Всероссийским учредительным собранием. Стоит особо подчеркнуть, что в отношении захвата помещичьих владений «Конституция Корнилова» становилась на сторону помещиков и не признавала за крестьянами свершившегося факта «черного передела». Тем не менее в дальнейшем в отношении «черного передела» была принята позиция либерально-демократического «непредрешения», а уже к 1920 г. «белая» власть стремилась придать ему законные рамки. Таким образом, «Конституция Корнилова» заложила основу общего государственного, политического и правового курса Белого движения вплоть до конца 1920 г.

Колчаковско-деникинский период (начало-конец 1919 г.) развития земельного права характеризуется стремительным увеличением количества различных вариантов решения земельного вопроса, а также наращиванием законодательной базы по регулированию земельных правоотношений. Данный период примечателен не только объединением разрозненных «белых» государственных образований в Омске, но и началом процесса формирования единой «белой» системы права, к сожалению так и не завершившегося. И.Ф. Плотников отмечает, что Верховный Правитель России «определенно ориентировался на использование опыта аграрных преобразований П.А. Столыпина, создание фермерского хозяйства и ликвидацию помещичьего землевладения путем отчуждения. В центре многочисленных законоположений и разработок по земельному вопросу стоял старательный, культурно работающий крестьянин» [19, с. 134, 135]. Таким образом, конституционная (ограниченная) диктатура А.В. Колчака способствовала рождению земельного законодательства, частично признающего «черный передел». Важными источниками земельного права колчаковско-деникинского периода стали следующие нормативные правовые акты, принятые в апреле 1919 г. [12]. Невозможно не согласиться с Е.А.

Козловой, отмечающей: «Наиболее важным из принятых правительством документов по регулированию земельных отношений являлась “Декларация Российского правительства по вопросу о земле”, несмотря на то что процедура ее принятия оставляла желать лучшего» [12, с. 64]. Положения Декларации отчетливо проявляли либерально-демократический характер, заключавшийся в важности достижения социальной справедливости и одновременной нерушимости права частной собственности.

Однако в целом законодательство Российского правительства в отношении земельного вопроса было своего рода аморфным, и своим юридическим содержанием лавировало между интересами помещиков и крестьянства. «Белые избрали линию уклончивого компромисса между крестьянством и помещиками – как показала жизнь, линию глубоко ошибочную» [35]. В.М. Рынков, исследуя аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России, заключает: «Нормативно-правовая база, выработанная претендентами на восстановление правопорядка в деревне, оказалась крайне противоречивой и малоадаптированной к реальным, весьма скромным возможностям государственной власти по регулированию земельных конфликтов. Деятельность антибольшевистских Временного сибирского и Российского правительств, по сути дела, способствовала не решению, а дальнейшему запутыванию аграрного вопроса» [28, с. 99-137]. Политика «непредрешения» применительно к земельному вопросу представлялась Российскому правительству вполне логичным вариантом, направленным на сохранение правопорядка в стране до созыва нового Учредительного (национального) собрания.

Врангелевский период (апрель-ноябрь 1920 г.) становления земельного права отличается наиболее конкретизированным законодательством, нацеленным на достижение максимального результата. Переход власти в руки П.Н. Врангеля способствовал не только обновлению политики и отступлению от «непредрешения», но и знаменовал будущие весьма значимые перемены в сфере земельного законодательства. Земельная реформа, проводимая в Крыму П.Н. Врангелем и А.В. Кривошеиным, придала законодательству в данной области большую четкость и завершенность по сравнению с предшествующим ему законодательством. «Эффективность реформы, даже в условиях неустойчивости Белой власти и постоянных колебаниях фронта, была довольно высока» [37, с. 27]. Значимость и результативность реформы также отмечает И.В. Невзоров: «Наличие в правительстве министра земледелия Юга России Глинки и соратника Столыпина министра земледелия Российской Империи А.В. Кривошеина позволило создать эффективное земельное законодательство» [15, с. 40]. Земельное право наполнилось весомым содержанием, в основе которого лежал законодательный массив земельной реформы Правительства Юга России.

Знаменовало земельную реформу «Правительственное сообщение по земельному вопросу», в котором разъяснялся смысл закона, объективно преподнесившее сущность реформы: «Земля трудящимся на ней хозяевам» [3, с. 673]. Приказ о земле от 25 мая 1920 г. четко устанавливал обеспечение защиты частной собственности на землю: «Создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченность жизни, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем» [3, с. 673]. Закон, признавая «черный передел», также признавал и необходимость возврата законным собственникам таких земель, как надельные, приобретенные с помощью Крестьянского поземельного банка и не превышающие установленного размера участка: «Выделенные на отруба и хутора по законам землеустроительным, церковно-приходские наделы, усадебные и высококультурные участки (сады, виноградники, поливные посевы и т.п.), земли,

принадлежащие сельскохозяйственным опытным ученым и учебным учреждениям и училищам, участки под промышленными заведениями (фабриками, заводами и т.п.), а также всякие вообще владения, не превышающие известных размеров» [3, с. 673]. Подобное разграничение категорий и статуса земель свидетельствует о глубине и продуманности земельного закона.

Особенностью законодательства земельной реформы является то, что земли отчуждались за плату, законно и с гарантией владения на праве собственности с дальнейшим правом наследования. Плата за отчужденную землю должна была вноситься собственниками (в течение 25 лет) хлебом с каждой десятины в размере 1/5 части принимаемого за средний урожай одного из главных хлебов (ржи или пшеницы), но возможны были и исключения. Уплачивая скопщину, владелец через 25 лет погашал весь лежащий на его участке долг и становился полным собственником участка. После продажи хлебных взносов государство выплачивало вознаграждения за отчужденную землю прежних ее владельцев, расчет с которыми признавало обязательным, а сами расчеты передавались в ведение управления финансов, которое рассчитывалось по желанию прежнего собственника хлебом в натуре или его стоимостью в деньгах. Подчеркнем, что двадцатипятилетнее обременение все же было неактуально в крестьянской среде, что можно считать определенным недостатком земельной реформы.

В.Г. Черкасов-Георгиевский отмечает успех возрожденного в Крыму Крестьянского союза России, деятельность которого способствовала реализации земельной реформы на практике. Нельзя не отметить и то, что в образе «Крестьянского союза России» отражался врангелевский лозунг – «левая политика правыми руками», так как изначально указанная организация имела социалистические корни [10]. В 1920-е гг. в «белой» Крыму «На специально организованных Союзом курсах пропагандистов земельного законодательства было подготовлено к осени 1920 года несколько сот человек, направленных затем для работы в местные земельные советы. При Совете КСР было создано Бюро юридической помощи, которое давало бесплатные юридические консультации, а также составляло ходатайства и иски в судебные органы от имени крестьян» [39, с. 316, 317]. Привлечение Бюро юридической помощи для достижения максимальной эффективности земельной реформы однозначно говорит о решительных действиях Правительства Юга России.

Земельная реформа в Крыму, безусловно, была большим шагом в истории аграрных реформ досоветского периода. В то же время в «белой» России эта реформа стала наиболее продуманным вариантом решения земельного вопроса. Земельное право во врангелевский период развивалось весьма динамично, конкретизировав основные положения земельного законодательства и правовой политики. Свидетельством тому выступают стремления Правительства Юга России создать крепкий аграрный и сельскохозяйственный сектор в «белом» Крыму, который держался бы на развитых фермерских хозяйствах.

Трудовое право

В период Гражданской войны трудовое право вышло из сферы промышленного и фабричного права, и стремительно приобрело самостоятельность. На первоначальных этапах для «белых» правительств решение рабочего вопроса стало серьезной проблемой по причине отсутствия каких-либо программных установок. Использование громоздкого и в целом несистематизированного массива актов фабрично-промышленного законодательства Российской империи, к тому же обладавшего различными коллизиями, лишь усугубляло положение. В отрасли трудового права либеральная демократия как доминирующая идеология требовала выработки четко

сформулированных и конкретизированных определений гарантий прав работника и их защиты.

Изначальные установки для разрешения рабочего вопроса также содержались в «Конституции Корнилова». В ее положениях наличествовали основополагающие конституционные принципы, которые могли бы лечь в фундамент будущего антибольшевистского трудового законодательства. Данные принципы закрепляли: право частной собственности, свободу предпринимательской деятельности, запрет национализации промышленности, нормирование труда, свободу рабочих союзов, собраний и стачек. Таким образом, «Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова» в решении рабочего вопроса легитимировала и гарантировала «сохранение всех завоеваний революции». Поэтому в процессе формирования антибольшевистское трудовое законодательство скомбинировало в себе исходные начала капиталистической экономики с идеями социального обеспечения и гарантиями прав трудящихся.

Необходимо отметить, что решение рабочего вопроса в «белой» государственности пошло более успешным путем, в отличие от земельной проблемы. Во многом это связано со схожестью программных установок «белых» правительств. Этот аспект наиболее четко проявлялся на территории «белого» Юга России. «Несравненно легче проходил рабочий вопрос, не вызывая ни такой страстности, ни такого разномыслия, как аграрный» [6, с. 214], – отмечал А.И. Деникин.

1919 г. стал важным этапом для развития трудового законодательства на «белом» Юге России. Так, 24 ноября 1919 г. была издана «Декларация А.И. Деникина по рабочему вопросу» [5], которая определила дальнейший вектор для формирования отрасли трудового права и систематизации законодательства. «Декларация» выступила своеобразным «белым» ответом на большевистский Кодекс законов о труде от 10 декабря 1918 г. В «Декларации» всецело находили отражение либерально-демократические доктрины. Главное положение содержится в первом пункте, а именно принцип примирения изначально враждующих классов, гуманное и разумное решение трудового вопроса. Второй, третий и девятый пункты можно объединить в один раздел, посвященный сугубо государственным задачам: установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства; повышение всеми средствами производительности труда; содействие (ссудами и кредитами) восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а также принятие других мер для достижения той же цели (посреднические конторы по найму и пр.). Пункты с четвертого по восьмой посвящены рабочим. В частности, четвертый пункт устанавливал нормирование труда в рамках 8-ми часового рабочего дня. Пятый и седьмой пункты оговаривали защиту трудовых прав и свобод через организованное представительство рабочих (профсоюзы), а также рассмотрение и разрешение трудовых споров между работником и работодателем в случае возникновения таковых при помощи примирительных камер и промысловых судов. Шестой пункт гарантировал дальнейшее развитие страхового права. Восьмой пункт был направлен на охрану труда в сфере санитарного и лечебно-профилактического обеспечения трудящихся путем санитарного надзора на промышленных предприятиях. Более того, гарантировалось улучшение жилищных условий работников (социальный найм) и охрана труда их отдельных категорий (женщин и детей).

В «Декларации» было указано на необходимость привлечения к разработке трудового законодательства как представителей от работодателей («Донуголь», «Донское торгово-промышленное и угольное товарищество», Таганрогское отделение Русско-Балтийского завода, Правление Южных железных дорог и

железодетальных заводов Новороссийского общества и др.), так и представителей от рабочих в форме крупного профсоюзного объединения – «Южный совет профессиональных союзов» (Профессиональное объединение Юга России, образованное в результате слияния Крымского Совета профессиональных союзов и Северокавказского исполнительного бюро профессиональных союзов и др.). В двустороннем участии работодателей и рабочих (помимо правительства) усматривалась возможность учета интересов конфликтующих классов и их последующее примирение через разработку трудового законодательства. В то же время «белым» органом власти, не ожидая окончательной разработки и осуществления рабочего законодательства, во всех случаях текущей жизни и административной практики, по мере возможности, следовало применять основные положения «Декларации».

Тем не менее процесс разработки трудового законодательства со стороны рабочих протекал пассивно, рабочие делегации и профсоюзы отказывались участвовать в его разработке. В первый же день работы Комиссии по рабочему вопросу, образованной под руководством председателя Всероссийского национального центра, члена кадетской партии М.М. Федорова, приглашенные представители профсоюза, огласив подготовленную резолюцию (с условиями решения рабочего вопроса) и выразив несогласие с политическим курсом правительства «белого» Юга, покинули заседание. Тем не менее в рамках демократизации трудового законодательства все же были достигнуты некоторые успехи: открыто и свободно работали профсоюзы (через которые и вели подрывную работу большевики), и власть максимально старалась сдерживать падение заработной платы. В целях нормирования заработной платы и восстановления деятельности фабричных инспекций в региональном масштабе были предприняты определенные усилия Отдела промышленного труда и фабричного надзора. Таким образом, трудовое законодательство постепенно переориентировалось на рабочего как менее защищенного субъекта трудового права.

Помимо «Декларации» сферу труда регулировали и иные нормативные правовые акты, например: «Положение о профессиональных союзах» от 23 октября 1919 г., «Временном положении о присутствиях по делам страхования рабочих» от 22 октября 1919 г., «Правилах о продолжительности рабочего времени в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» от 29 ноября 1919 г.

В целом практическая реализация положений трудового законодательства оставляла желать лучшего. Примером может служить стремление рабочих к узаконению 8-ми часового рабочего дня, что сделать было крайне сложно в условиях развала производства. В.П. Федюк отмечает: «Особенно ожесточенные споры в комиссии Федорова вызвал закон о 8-часовом рабочем дне ... Однако введение 8-часового рабочего дня было обставлено множеством ограничений. Закон не распространялся на транспортных рабочих, строителей, торговых служащих. Помимо этого, в обязательном порядке были установлены сверхурочные работы. В отношении них вводились ограничения – не больше 400 часов в год, но даже в этом случае реальная продолжительность рабочего дня должна была составлять девять с половиной часов» [34, с. 115, 116].

Охарактеризовать процесс разработки трудового законодательства и развития трудового права в общем можно словами К.Н. Соколова: «Рабочие же, организованные и “политизированные”, были принципиально нам враждебны» [29, с. 186]. Пропаганда большевиков играла огромную роль в стане рабочих, агрессивно настраивая пролетариат против антибольшевистской власти и лишая

возможности примирения рабочих с работодателями и становления института социального партнерства.

Торговое право

Развал промышленного производства и сельскохозяйственной жизни вынудил правосоциалистические и «белые» правительства тщательно регулировать торговлю на подконтрольных территориях, не нарушая принципа ее свободы. При этом на территории «белых» режимов торговое право развивалось более динамично, чем в правосоциалистических антибольшевистских государственных образованиях. Новшеством стало то, что «белая» власть сформировала значимую базу торгового законодательства, начав процесс обособления торгового права от гражданского.

В период правления А.И. Деникина торговое право «белого» Юга фактически стало самостоятельной отраслью. Сторонник развития кооперации А.Д. Билимович подчеркивал: «Производство было совершенно забыто, внимание сосредоточено исключительно на вопросах распределения. ... “Уравнительная страсть” сделалась основной движущей силой для народных масс» [2, с. 37]. А.Д. Билимович сыграл огромную роль в восстановлении экономики и формировании финансового законодательства «белого» Юга России. В частности, именно он являлся создателем проекта «Деления южной России на области» [7], как проекта территориального деления страны, исходящего из экономического базиса того или иного региона. Отсутствие повсеместного нормального функционирования предприятий вызывало острую нехватку товаров широкого потребления, поэтому развитие товарооборота (экспорта и импорта) стало важнейшим условием дальнейшего существования. Поэтому же возникла не только необходимость восстановления производственной базы страны, но и поиска новых путей для увеличения товарооборота. А это требовало развития торгового законодательства. Возникновение антибольшевистских государственных образований на Юге России привело к определенной самостоятельности в вопросах товарооборота и внешнеторговых сделок. Государственные образования, находящиеся на периферии (Украина, Крым, кавказские государства) или входящие в состав «белой» государственности Юга России (Донская республика и Кубанская Народная Республика), обладали большой автономией, что позволяло им создавать собственное торговое законодательство. «Создавшееся положение особенно тягостно отражалось на правильном разрешении вопросов внешней торговли. Генерал Деникин и Особое Собрание не считали возможным допустить, чтобы каждое из казачьих правительств вело самостоятельную внешнюю торговлю» [14, с. 566]. Вследствие этого, создавая единое правовое пространство, «белая» власть на Юге России стремилась прочно увязать его с принципом единства экономического пространства и разрушить образовавшиеся таможенные барьеры.

Положение в таможенной сфере было тяжелым, оно тесно переплеталось с торговыми правоотношениями. Следующую оценку данным событиям давал председатель Особого совещания А.С. Лукомский: «Получались иногда самые невероятные положения. Кубань была полна хлебом и другими продовольственными продуктами, а население прилегавшей к ней Черноморской губернии, в некоторые периоды, буквально голодало» [14, с. 566]. Торговые правоотношения нуждались не просто в особом порядке регулирования, а в создании такой нормативной правовой базы, которая стала бы основой единства правового и экономического пространства на «белом» Юге. Основным законодательным актом в данной области продолжал оставаться Таможенный устав 1910 г. с изменениями и дополнениями. В целях решения острой проблемы по товарообороту между антибольшевистскими образованиями также

заклучались определенные союзы, которые в своей деятельности исходили из норм межправительственных конвенций и соглашений. Например, в декабре 1918 г. между правительствами Всевеликого Войска Донского, Кубанского края, Крыма и высшим командованием Добровольческой армии была заключена «Конвенция о таможенных отношениях» [13], а также учреждено «Центральное управление таможенной частью» [4]. 27 апреля 1919 г. было заключено новое соглашение с присоединением к нему Терского казачества, однако оно не было одобрено Радой и Кругом [6, с. 228]. Таким образом, имперское торговое законодательство стремительно обрастало различными нормативными правовыми актами в надежде ликвидировать те или иные пробелы и создать более эффективный механизм правового регулирования.

Разрастание структуры Отдела торговли и промышленности деникинского правительства путем формирования новых комитетов и совещаний увеличило его роль как правотворческого субъекта. Так, 29 декабря 1918 г. в целях развития и усовершенствования торгового мореплавания был учрежден «Комитет по делам торгового мореплавания и торговых портов». Для обсуждения технических проектов и вопросов, касающихся приморских торговых портов, рассмотрения смет и расценочных ведомостей учреждено «Техническое совещание при части торговых портов и торгового мореплавания». Деятельность данных органов была урегулирована соответствующими нормативными актами [20, 21]. После образования Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине в январе 1919 г. Отдел торговли и промышленности был преобразован в «Управление торговли и промышленности», в последующем создав новые разветвления структуры – «Геологический комитет», «Совет по делам снабжения топливом» и пр. Расширение компетенции Управления в свою очередь ускорило рост нормативной правовой базы, направленной на регулирование торговых правоотношений. Особую роль в развитии торгового законодательства сыграл Совет по делам торговли и промышленности при начальнике Управления торговли и промышленности. Врученные ему соответствующим «Положением» [22] широкие властные полномочия в решении важнейших вопросов по делам торговли и промышленности оказали сильное влияние не только на развитие торгового права, но и отдельных подотраслей – обязательственного и договорного. Например, одним из самых распространенных договоров в торговых правоотношениях «белой» государственности можно считать договор поставки, который получил широкое применение, как в межобластных, так и в международных торговых сделках. Накапливающийся массив создаваемых нормативных правовых актов способствовал процессу создания единого правового и экономического пространства, в границах которого возможно было разрешать различные таможенные и коммерческие конфликты. В целом же правовая модель «белого» Юга России складывалась, исходя из динамики регионализма.

Исследуя финансовую и торговую политику на территории «белого» Юга России, П. Кенез писал: «Сохранение претензии на неделимую Россию было главной целью финансовой и торговой политики Особого Совещания. Для того чтобы ввести единую валюту, тарифы, банковское дело и торговые пошлины, армия пошла на переговоры с правительством Крыма, Дона и Кубани, но эти переговоры оказались безрезультатными. ... Причина неудачи согласования финансовых систем крылась в неспособности Добровольческой армии достичь единства в антибольшевистском деле» [11, с. 231]. Правительство А.И. Деникина пыталось восстановить и наладить торговые отношения между разными антибольшевистскими территориями путем ограничения автономии областей с целью стабилизации экономического потенциала всего южного региона. Однако

часто такие попытки правительства в сфере налаживания торговых правоотношений сталкивались с позицией сторонников централизации власти, что серьезно тормозило формирование единого экономического пространства.

Уголовное право

Особую значимость уголовное право приобретает в военное время. Неотъемлемой составляющей военного времени всегда является усиление репрессивной функции государства и разрастание карательного аппарата. Избежать данных факторов не представляется возможным. Однако правоохранительные органы здесь должны выступать сдерживающим механизмом. Можно установить надзор за деятельностью репрессивно-карательных органов (за следственными органами, контрразведкой, особой военно-полевой юстицией и пр.) в целях соблюдения ими четко установленных нормативных правовых рамок, а именно: соблюдением прав обвиняемых, лиц, подвергнутых аресту, непосредственно заключенных; максимально быстрым пресечением нарушений закона и восстановлением всех прав невиновных лиц и незаконно осужденных; ограждением граждан от возможного произвола со стороны карательных органов власти; гарантией гуманного отношения к военнопленным и развитием общих норм гуманизма в уголовно-карательной политике. Здесь сразу начинают сталкиваться две категории – гуманизм и война. Вряд ли существуют более острые противоречия, чем между гуманизмом и войной. С одной стороны, основная тяжесть в установлении законности и правопорядка на территории страны ложится на уголовное право, которое усиливается в части жесткости наказания за преступления. С другой стороны, правоохранительные органы должны твердо стоять на страже этой законности и правопорядка, отслеживания соразмерности наказаний за совершенные преступления. В подобных условиях в правовой модели окончательно определяется отношение к принципу гуманизма.

Формируясь, «белое» уголовное право и прокурорский надзор столкнулись с проблемой необходимости уклонения от двух главных подходов в уголовно-карательной политике: репрессивно-имперского и репрессивно-большевистского. Первый – уголовный закон в «белой» России не мог принять имперский репрессивный характер, так как это, несомненно, вызвало бы тождество сущности уголовного права «белого» и царского режимов, вызвав противоречие в идее построения подлинной демократии. Второй подход заключался в неприемлемости использования идеологического фундамента, идентичного большевистскому, обосновывавшему механизм непримиримой классовой вражды. Особенность данного подхода к уголовно-карательной политике заключалась в том, что из нее полностью исключалась надзорная составляющая. В основу фундамента уголовного закона «белыми» правоведами закладывались иные начала – общепризнанные идеи о правах и свободах человека, тесно переплетенные с принципом гуманизма.

Устранение репрессивной сущности из уголовного права стало важной задачей «белой» власти в деятельности по укреплению принципов справедливости, законности, равенства всех перед законом и судом, а также в воспитании морали, нравственности и гуманного отношения к личности. При этом следует особо подчеркнуть, что формирующаяся на основе важнейших прав и свобод теория уголовного права и трансформирующийся прокурорский надзор «белой» России в военные годы часто шли вразрез с практикой их реализации.

Весьма примечательна позиция «белой» власти в отношении применения смертной казни как высшей меры наказания. «До сентября 1918 г. бессрочная каторга являлась наиболее строгим уголовным наказанием. В сентябре того же года постановлением Временного Сибирского правительства была восстановлена

смертная казнь. Она применялась прежде всего за совершение преступлений против государственной власти» [16, с. 391], – отмечает А.Н. Никитин. Намного чаще применялась мера тюремного заключения, о чем свидетельствуют «переполненные тюрьмы» [18, 26].

В «белом» уголовном праве особо выделялась проблема определения преступной природы большевизма и установления для виновных единой санкции (меры наказания). Так, И.И. Сукин писал: «Необходимо было найти определение преступления, называемого “принадлежностью к большевизму”. Главная часть заключенных принадлежала именно к этой категории» [9, с. 439, 440]. При этом вызванная характером гуманности в практику входила деятельность по отсрочке назначения наказания до принятия решения будущим высшим представительным (законодательным) органом власти (Учредительным или Национальным собранием). «Многие правовые нормы были недостаточно разработаны (определение категорий репресслируемых, диапазон карательных санкций и т.д.) и подвергались частым изменениям, обусловленным ходом военных операций, несогласованностью в действиях белых правительств и другими факторами, исключавшими возможность систематизации правовой системы» [38, с. 16-26].

Отдельного внимания заслуживают нормативные правовые акты, устанавливавшие ответственность участников советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению [23, 24, 25]. Эти документы подверглись большой критике и порицанию со стороны общественности и партийных организаций. Причиной являлось то, что данные нормативные акты имели характер репрессивного законодательства с жесткими санкциями, применяемыми к «участникам установления в Российском государстве советской власти», т.е. в виде «лишения всех прав состояния и смертной казни». Безусловно, что подобное наказание (смертная казнь за большевистскую деятельность) ни одно из антибольшевистских правительств не имело право применять, не имея на то правовой нормы, установленной общероссийской властью. Репрессивный характер вышеуказанных актов заключался в том, что наказания по ним могли быть применены к довольно широкому кругу лиц. Осуждая подобный репрессивный подход, князь Г.Н. Трубецкой высказал особое мнение: «Этот закон устанавливает за одну принадлежность к партии, не выразившуюся в каких-либо иных преступлениях, такую же меру наказания, как и за квалифицированные, явно преступные деяния, направленные против самих основ государственного строя ... При таких условиях предложенный закон является актом не столько правосудия, сколько массового террора» [17].

Главное отличие системы права «белой» государственности от большевистской заключается в том, что «белые» не пытались ее принципиально изменить. Отраслевое законодательство должно было пройти демократический путь эволюции. Поэтому на территории «белого» Юга, согласно «Временному положению об управлении губерниями и областями, занимаемыми войсками Добровольческой Армии» от 9 сентября 1918 г., было восстановлено действие уголовного законодательства Российской империи и Временного правительства. Сохранили свою юридическую силу такие дореволюционные законодательные акты, как Уголовное уложение 1903 г. (в той части, в которой имело силу) [30], Устав уголовного судопроизводства (1864 г.) [32], Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.) [33], Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) [31] и др. Для их адаптации к условиям военного времени вносились соответствующие временные поправки, изменения и дополнения.

Анализируя уголовное законодательство двух крупных «белых» центров, Юга и Востока России, можно отметить, что у последнего прослеживаются

гораздо большие требования к законности, основанной на либерально-демократических ценностях. Это отчетливо видно на примере Приказов Верховного правителя России по гуманизации способов ведения войны, личной и имущественной неприкосновенности населения. В частности, Приказ от 6 мая 1919 г. устанавливал: «Все должно совершаться на основании закона, а в потребных случаях – по решению суда или приказа вышестоящего начальства, когда это необходимо по боевой обстановке; никакие самовольные действия отдельных лиц недопустимы» [27]. Более того, злоупотреблений со стороны военных на Востоке было также меньше, чем на «белом» Юге. В данном отношении В.Ж. Цветков пишет: «... Южнорусское законодательство на протяжении 1919 года составлялось исходя из неотвратимости и суровости наказания не только членов РСДРП (б) – РКП (б), но и всех, кто так или иначе добровольно, сознательно поддерживал большевистскую партию и советскую власть. Возможно, подобный радикализм диктовался результатами “красного террора”, более жестокого на Юге, чем на Востоке России (из-за краткости советской власти в Сибири). Отсутствие в колчаковском законодательстве санкций в виде смертной казни можно объяснить и стремлением продемонстрировать “демократизм” перед “международным мнением”, ввиду возможности “признания” Верховного Правителя России. Однако не следует утверждать, что законодательство белых правительств оставалось неизменным, и в случае “победы над большевизмом” начался бы “массовый белый террор”» [36, с. 125].

Еще одна проблема уголовного права заключалась в сложности разграничения общеуголовных преступлений и государственных. Бандитизм часто переплетался с «партизанщиной» и подрывной деятельностью большевиков, коррупционная деятельность – с обычным воровством, вследствие чего расставить границы и определить состав преступления было крайне трудно. А.В. Колчак подчеркивал: «Все время суд и следственная власть задавались широкими задачами распутать и раскрыть данное преступление (по вопросам злоупотреблений и интендантских поставках. – Д.З.) во всем его объеме, и в конце концов из этого ничего не выходило» [8, с. 489]. Данные обстоятельства не способствовали выработке единообразной системы наказаний для лидеров большевизма и лиц, связанных с ними.

Таким образом, «белое» уголовное законодательство стремилось к тому, чтобы была исполнена социальная функция наказания – восстановление нарушенного общественного порядка, основанного на общепризнанных демократических началах. Вместе с тем преследовались и три основные цели наказания: восстановление социальной справедливости – восстановление нарушенных прав и свобод человека; исправление осужденного – воспитание здорового правосознания, основанного на уважительном отношении к закону, установленному правопорядку, правам и интересам других лиц; предупреждение совершения нового наказания – недопущение рецидива ранее судимого лица.

Заключение

Общий анализ вышеуказанных отраслей права и законодательства позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, специфика развития данных отраслей обусловлена периодом Гражданской войны, развалом промышленности, сильнейшим экономическим кризисом и назревшими социальными проблемами внутри российского общества. Во-вторых, актуальность обозначенных отраслей права настолько велика, что в рамках одного краткого анализа невозможно обобщить всю специфику их эволюции. Либеральная демократия, став неофициальной государственно-правовой идеологией «белой» государственности, заложила основы всей «белой» системы права. Новая система соединила в себе

два блока источников права: первый – совокупность нормативной правовой базы Российской империи и Временного правительства; второй – нормативные акты «белой» России. Второй элемент представлял собой результат деятельности «белых» органов власти по реформированию системы права и приведению норм его законодательства, с одной стороны, в соответствие с идеями либеральной демократии, ставящей условия для становления правового государства в стране, а с другой, приспособления их к действующей реальности и условиям военного времени. Данное обстоятельство вызвало многочисленные коллизии в трансформации каждой правовой отрасли, хотя и внесло немало новых концептуальных идей в природу отдельных правовых институтов. В целом либеральной демократией в системе права «белой» России был определен четкий вектор на постепенное и непрерывное совершенствование всей правовой модели, способной отражать требования времени и решать возникающие проблемы.

Литература

1. Белый архив. – Т. 2-3. – Париж, 1928. – С. 181-182.
2. *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России / А.Д. Билимович. – Москва: Наука, 2006. – 229 с.
3. *Врангель П.Н.* Воспоминания: В 2-х ч. 1916-1920 гг. / Биогр. справки С.В. Волкова / П.Н. Врангель. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 783 с.
4. «Временное положение о Центральном управлении таможенными учреждениями на территориях Всевеликого Войска Донского, Кубанского края, Крыма и Добровольческой армии, заключающих Российский таможенный союз» от 14 (27) декабря 1918 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1 Д. 86. Л. 144-146.
5. Декларация А.И. Деникина по рабочему вопросу от 24 ноября 1919 года // Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р439. Опись 1. Дело 46. Лист 20-20а.
6. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты / А.И. Деникин. – Берлин: Слово, 1925. – Т. 4. – 247 с.
7. Доклад профессора А.Д. Билимовича на тему «Деление южной России на области» // ГА РФ. Ф. Р446. Оп. 2. Д. 109. Л. 1-55.
8. Допрос А.В. Колчака. Протоколы Заседаний Чрезвычайной Следственной Комиссии. 21 января – 6 февраля 1920 г. // Окрест Колчака: документы и материалы / сост. А.В. Квакин. – Москва: Аграф, 2007. – С. 267-495.
9. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака / И.И. Сукин // Квакин А.В. За спиной Колчака: Документы и материалы. – Москва: Аграф, 2005. – С. 325-510.
10. История отечества с древнейших времен до наших дней. Энцикл. словарь / Сост. Б.Ю. Иванов, В.М. Карев, Е.И. Куксина, А.С. Орешников, О.В. Сухарева. – Москва, 1999. – 544 с.
11. *Кенез П.* Подлинная история Добровольческой армии, 1917-1918 гг. / П. Кенез / пер. с англ. – Москва: Алгоритм, 2017. – 320 с.
12. *Козлова Е.А.* Аграрное законодательство антисоветских государственных образований в годы Гражданской войны в России: монография / Е.А. Козлова / Под общ. ред. В.Г. Медведева. – Самара: ООО «Изд-во Ас Гард», 2012. – 164 с.
13. «Конвенция, заключенная между Всевеликим Войском Донским, Кубанским краем, Крымом и высшим командованием добровольческой армии о таможенных отношениях» от 14 (27) декабря 1918 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1 Д. 86. Л. 141-143.

14. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания / А.С. Лукомский; Сост., предисл., коммент. С.В. Волкова. – Москва: Айрис-пресс, 2012. – 752 с.
15. *Невзоров И.* Белогвардейская Россия. Политико-правовые аспекты / И. Невзоров. – Москва: Посев. – № 9. – 2003. – С. 37-41.
16. *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение / А.Н. Никитин. – Москва: Право и закон, 2004. – 448 с.
17. Особое мнение Г.Н. Трубецкого по законопроекту о некоторых дополнениях постановлений Особого совещания об уголовной ответственности участников установления советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению от 22 ноября 1919 года // ГА РФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 92. Л. 35-36.
18. *Петраш А.* В интернациональном отряде в Сибири // Былые походы: воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР / А. Петраш / пер. со словацкого; под общ. ред. и с предисл. В.Д. Карякина. – Москва: Воениздат, 1961. – С. 133-149.
19. *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный Правитель России / И.Ф. Плотников. – Москва: Центрполиграф, 2003. – 702 с.
20. «Положение о Комитете по делам торгового мореплавания и торговых портов» от 29 декабря 1918 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1 Д. 86. Л. 153-155.
21. «Положение о Техническом совещании при части торговых портов и торгового мореплавания отдела торговли, промышленности и снабжения Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России» от 29 декабря 1918 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1 Д. 86. Л. 156-156 об.
22. «Положение о Совете по делам торговли и промышленности при начальнике Управления торговли и промышленности» от 1 февраля 1919 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1 Д. 86. Л. 219-219 об.
23. Постановление Особого совещания при Главкоме ВСЮР от 26 августа 1919 года «Об уголовной ответственности участников установления Советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1919. – №17. – Ст. 95.
24. Постановление Особого совещания при Главкоме ВСЮР от 7 октября 1919 года «Дополнение к Положению об уголовной ответственности участников установления Советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1919. – №29. – Ст. 15.
25. Постановление Временного Сибирского правительства от 24 августа 1918 года «Об определении судьбы бывших представителей Советской власти в Сибири» // Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. – 1918. – №7. – Ст. 68.
26. *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере, 1918-1920 гг. / А.И. Потылицын. – Архангельск: Северное Краевое издательство, 1931. – 71 с.
27. Приказ «Об укреплении дисциплины в армии и повышении ответственности солдат и офицеров перед населением» от 6 мая 1919 года // ГА РФ. Ф. 148. Оп. 4. Д. 80. Л. 24-24 об.
28. *Рынков В.М.* Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918-1919 гг.) / В.М. Рынков // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII-XX вв.): Бахрушинские чтения, 1998 г. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. – С. 99-137.

29. *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (из воспоминаний) / К.Н. Соколов. – София: Российско-Болгарское изд-во, 1921. – 295 с.
30. Уголовное Уложение 1903 года // Российское законодательство X-XX вв. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции/ Под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва: Юрид. лит., 1994. – Т. 9. – С. 271- 321.
31. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Свод Законов Российской Империи. Законы уголовные. – Санкт-Петербург: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – Т. XV.
32. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – Т. 8. – С. 120-251.
33. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года // Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – Т. 8. – С. 394-419.
34. *Федюк В.П.* Рабочий вопрос в политике деникинского правительства / Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: В 2 ч. / В.П. Федюк / Отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. А.Н. Некрасова, 2005. – Ч. 2. – С. 111-119.
35. *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Изд. 2-е, доп. и перераб. / В.Г. Хандорин. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – 278 с.
36. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. – Москва, 2009. – 635 с.
37. *Цветков В.Ж.* «Остров Крым» – начало Белой России (к 80-летию окончания белого движения на юге России) / В.Ж. Цветков. – Москва: Посев. – № 11. – 2000. – С. 25-29.
38. *Цветков В.Ж.* Репрессивное законодательство белых правительств / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2007. – №4. – С. 16-26.
39. *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал Петр Николаевич Врангель. Последний рыцарь Российской империи / В.Г. Черкасов-Георгиевский / Под ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. – Москва: Центрполиграф, 2004. – 511 с.